

ПРАКТИКИ

*Лесбийский дневник**

Лолита Агамалова

lesbian existence

это способ спаять дискретную онтологию

терапевтические разделы **lesbian diary** –

наметки к речевому эмпауэрменту

Чтение как триггер

Что такое чтение как триггер? как остаюсь одной и читаю, без некоторой бессознательно, телесно ожидаемой субъектки, размывающей мою телесную, сублиматорную границу. Вступив к первой самости автоматического, осознанного письма, надеясь замкнуться не в рекурсивный опыт, позже сказать, что победа, наконец, будет свободной, но язык – нет, язык свободен не будет. Вступив, первое было к тому, что в тревоге, тревоге признания, альтернативной, неуместной в отсутствии тотальной чуждости, фаталистической и фаллоцентричной отчужденности мест говорить чужой речью, стать речью вообще, рождая сверх-женский, сверх-рекурсивный опыт, прорабатывая как стаю близнецовых часов, в часу, в созвездии экономики пола. (Стоять, курить в подъезде, читать Бенямина, работать в

кофейне. Что-то о сварщице женской чувственности, но это было бы пошло.) Субъектность, проходящее через тело, и наоборот. Что было дальше, за тем, как вступив? опыт как сверх-задача lesbian existence, не успевшая заиндеветь в проработке новообращения новообращенческая перебежка от baby dyke к angry gross lesbian, забывшей читательский опыт как метаязык, который сейчас использую, но в метапозиции; способно ли, способ, способность за-быть, за-бытие, новое бытие через отказ от метаязыковой субстанции, субстанции как возможности. Триггер телесен, хотя бы и многое из приобретенного вышло в процесс (как из нарративной процессии известно не было), и тело, обреченное на возвращение, обретается через повторенческую потерю, возвещаемую новой, позитивной инерцией, существо как отсутствие существа, кроме как частью процессуальной природы. Дискретность, процессуальность – то, что повторяемо, все, что повторяемо, названо, то, что названо, повторяемо, и жалко ли черных букв, чтобы длиться и продолжать (повторяемо, названо) к процессу, который бы рад освобожденной победе, кабалой пораженческого говоренья. Об этом было, но значит ли это, что lesbian diary длится либо прерывается, прерывался вовсе как отсутствие всякой субстанции, колонизации смыслов как принципиальной возможности бытийствовать в иллюзионистском знании? Рука лесбиянки становится невидимой рукой рынка, расплачивающейся с сестрой-близнецом. Значит ли это, что все, в этот период, будет неавтономно? где есть *граница* между автономией и дискретностью, что есть женская автономия, а точнее – автономия женскости? наебателство телесного равенства не было наебателством; страх за свою граничную телесность материалистически конструирует страх за женский язык, за женский опыт чтения как опыт непрекаемого, аутосуггестивного занятия (,) места метаязычности как теологической данности краснеющих бледными гениталиями адептов прерывистого, как настоящее тело, письма, - после всего. сверх-задачей lesbian existence становится размыть метаопыт, как также рекурсивную диспозицию прерывистости женской, нутряно консолидированной, гиноаффективной онтологии, направленной к тревоге конкурентно-ориентированного патриархата языка / любви, мысли, тела. Пока О. нет, я стараюсь читать, устав думать, и именно без ее телесности, апеллирующей к моей своим присутствием как концепцией, чтение становится в место телесных, новоопытных (дискретных, но новоопытных, в отсутствии оптики деперсонализационной; общеженских, антилитературных высказываний-креаций, в отличие от этого, осуществляющегося) триггеров, и я боюсь за свою субъектность как за нечто конечное. Эротизация равенства есть потребительство, симбиоза внутри этого – предательство и скука. Разборы,

детерминация слетов сублиматорны, осуществляющееся высказывание, вероятно, является реакцией по отношению к процессу, чтение как процесс неизвестно снявшей невротики, начавшей интересоваться длящимся, а спекуляции были здесь неизбежны. Читаю осторожно (по-прежнему Беньямина), гляжу в окно. Вспоминаю секс, самый разный, порой стараюсь не вспоминать. Сходила на работу, где ненавижу что-то, отличное от той боли. Жду и не жду О. Впервые не знаю, во что становиться, проистекать. Как берусь за чтение в единении – вспоминаю, боюсь и маюсь. Хочу быть честной. Хочу быть с женщинами. Хочу чувствовать и быть (все). Хочу писать стихи, как хорошо, но это-то точно конструкт (тоже). Но если бы не та моя боль молчания – я бы написала их О. в мае. С тех пор, как закончила школу, люблю май. как превратить [автономию] [набательства] в процессуальную близость, как [субъективировать] эту телесность на уровень, отличный от О. как тела здесь и сейчас, но к неназванному, близостному отовсюду, набавшему концепт субъектности телу О.?

О ретроспективе

Также, lesbian diary призван преломить фаллическую традицию ретроспектив, порождаемых анальным удерживанием: то, что происходит сейчас, длится, а не воспроизводится через метаязык в связи с оттяжимой, отчуждаемой прокрастинацией. Lesbian diary постулирует: нет метаязыку, нет метапозиции, нет метанарративу, попеременно отыгрывая то метаязык, то метапозицию, то метанарратив. Нет ретроспективы в моей любви к тебе, любимая, и да будет сквозной ресурс через то, как робко глажу тебя впервые в чужой квартире и целую в сирени 2016го, к тому, как встречаю с тобой 2017го рассвет; и, где иду по морозу, попеременно спаивая, транслируя, не вспоминая, процессуируя инсайты, флешбеки, дежа вю, просто воспоминания в единую, неделимую лесбийскую онтологию, презирая ностальгию.

Прокрастинируя в медиа-пространстве, неозначенная, кибер-множественная субъектка lesbian diary прокладывает мост между всеми событиями, включаясь в них здесь и сейчас, отказывает ретроспективе в качестве прикладного существования пересказанного (слова) как – на костях невысказанного, невозможного, нереализованного; и во вторую очередь отказывает картинке.

Заглядывая в instagram к бывшей, наблюдая ее исповеди, сколачивает обрывочные события в край горизонтальной общей, безграничной субъек-

тности женской истории здесь и сейчас. ее, через прокрастинацию, отказ от величия, способствующего удерживанию, ауто-репрессивному аппарату чужого языка, вербализирующегося в почти шизофренический голос реальности невротички, поддерживающего иерархию, и осколки, складывающиеся в слова. Когда я пересматриваю свой *instagram*, без тревоги признания, но в отсутствии концентрации для осуществления целенаправленных занятий, я обнаруживаю процесс. Концентрация репрессивна, в то же время ее отсутствие обусловлено либо тревогой признания, либо иными социальными элементами, также имплицитно апеллирующими к тревоге признания; но какое ей дело до них, если посредством борьбы с метаязыком, отыгрывая метаязык она наконец способна обозначить остров лирической речи, чтобы как бы между прочим произвести оду лесбийской любви, а не речевому насилию? Я обсессивно просматриваю свой *instagram*, моя любимая, где так множественна, так едина ты, переозначающая контур, который меня граничит. Так много нежности к твоему горячему телу. Как сразу, как зажали, собиралась к шести на работу, трескаясь. процессуальность любви то, что узно было сразу, как предсуществование осуществляющегося.

Феномен *lesbian diary* базируется на невозможности женских лирических практик в условиях тотального речевого насилия. Я лишена поэтического чутья настолько, насколько меня насильовали, но я не лишена [любовной речи] (1.1). являясь реакцией, он представляет собой путь к креации феминистского языка при условии прохождения «безопасной» части отыгрывания, не ведущего к бытовому, эмоциональному, сексуальному обслуживанию патриархата, но посредством интеграции, энтризма во враждебный дискурс, преломляя знакомые речевые обороты изворотами нечистой, подвальной речи загнанных лошадей, что позволяет ему сохранять баланс между инстинктивно оппозиционными, но не обозначенными практиками, а также сохранять баланс феминистской, лесбийской, женской совести, отказывающейся от сотрудничества, финансирования, любых ресурсов от противоборствующих сторон и класса. (они выступают за повсеместную легализацию проституции, чтобы в конце концов лишить нас всех настоящих рабочих мест, чтобы у нас не осталось выбора etc.) Постулируя себя сам, *lesbian diary* ведет к эскалации конфликта между неизбежным автоматическим женским письмом реакции и освобожденной немотой, между метаязыком и наебательской логикой обновленного женского письма, показывающегося хтоническую пизду его идее путем сбрасывания с корабля любви (1.2); освобождению от токсинов, скапливающихся в виду длительного удерживания. Я насру на твою могилу, мудака, – говорит кибер-

множественная, теплокровная субъектка lesbian diary, angry gross lesbian, возвращающая обесцененный опыт своей, baby dyke, предшественницы, забывая страх говна, обуявший ее, и, лавируя между холмов произведенного говна, врываясь в реальность, переигрывая на женских костях грядущую, тотальную, всеобщую lesbian existence.

Я люблю здесь. Я ебала это говно, любимая, я люблю здесь и везде. Здесь, на самом деле, нет никакой иронии, и я вас всех наебала. – возможно, и скорее всего, это апории. Потенция говорить о феномене lesbian diary, храбрость универсализировать, экспроприировать, наебывать, уважать себя, зло выводить черточки невыводимой, кибер-пространственной angry gross lesbian, в реальности невыебенно реальной, насколько реален отблеск ее ягодицы (осознание это было по дороге с вечерней смены, после ворочанья больших мусорных мешков с рабочими отходами кофейни, и когда на пороге долго-долго ее целовала, не раздеваясь, не заходя); («и в женском обществе единственным Искусством и единственной Культурой будут самодостаточные, шизанутые, сексапильные женщины, кайфующие друг от друга и от всей вселенной» – В.Соланас. angry gross lesbian идет, качается, вздыхает на ходу; но также испытывает радость лесбийской самости и облегчения, когда осознает, что единственные проблемы с законом, обнажающие ее близлежащую перспективу – последствия леваков в баре, а не леваков на баррикадах), – вместо нарратива, разговора по делу, экспроприруя назидательную, философскую речь с ее наебательской силой горизонтали, является итогом речевого насилия, воспроизводящего дискретную немоту посредством дискретного, способствующего в попытке слова. Считайте, что я произвожу эти бесконечные, наебательские спекуляции в рамках флешмоба #янебоюсьсказать, как изнасилованная языком / ради самого говоренческого, пораженческого в контексте мифа о лесбийском теле акта, обладая теперь нежностью и любовью, ресурсом и силой, все свои ласковые, нежные, вдохновенные и воженствленные слова я отдам напрямую, рот в рот, любимой, языком с языка (1.3). не ввязываясь, не впутываясь в это говно. Занимайтесь сами.

Фигуры baby dyke, любимой, gross lesbian и черного тела языка – вот сквозные героини, ебаний герой этого повествования. Становится страшно, да, выйти из говоренья, зайти в постель, хочется, чтобы тебя вывели – например, любимая своей улыбкой. также страшно оставаться здесь, но здесь является всюду. я не боюсь. Это страх столкновения не с рекурсией, а реальностью, не с сублиматорной механической немотой, но со следс-

твиями опыта этой немоты в письме. узнав иное, 1.1., 1.2., 1.3. обсессивно просматривая свой instagram, моя любимая, я не боюсь, потому что ты по-прежнему напоминаешь мне, что существует что-то за гранью невроза, ты первое, что осуществилось за его гранью, преломив понятие «грань». (Пора прекращать писать, чтобы заняться делом. Пора прекращать заниматься делом, чтобы писать. Пора прекращать, чтобы длиться). здесь и сейчас я спаиваю дискретную онтологию, записывая [обрывки] в перекурах, а также «воскрешая» ретроспективные панорамы наряду со стенографией происходящего здесь. также, lesbian diary призван преломить фаллическую традицию ретроспектив, порождаемых анальным удерживанием: то, что происходит сейчас, длится, а не воспроизводится через метаязык в связи с оттяжимой, отчуждаемой прокрастинацией. Lesbian diary постулирует: нет метаязыку, нет метапозиции, нет метанарративу, попеременно отыгрывая то метаязык, то метапозицию, то метанарратив. Нет ретроспективы в моей любви к тебе, моя любимая

Все, что у меня есть – во мне и я это не потеряю. Вне меня только ты. Но тело обладает памятью

* * *

Проблематизируя себя в себе, lesbian diary обозначает, вписывает, отшивает, раскачивает амбивалентность lesbian existence и ее отношений с речью и языком, представляющих собой целый спектр языковых практик, а также небольшую толику сформированной, *расплывчатой* лесбийской экзистенции, базирующейся на лесбийском теле и познанной бытовой процессуальности, etc. Но феномен речи не так однозначен. Речь, течь, жечь, меч, картечь, скетч, лечь, греч., влечь, стеречь как разнородное докво неоднозначности, это предстоит выяснить в дальнейшее время, то есть здесь. Языковой шаблон настоящей эпохи гласит: gross lesbian выигрывает не каждую битву, но не перестает бороться. | gross lesbian feat. насильник-язык; насильник-язык feat. gross lesbian. быв языком, она уничтожила его через себя; (зачеркнуто); ей нужно уничтожить язык, но она сама есть язык; боюсь, все это смахивает на ебалу про Поттера и крестражи: последний крестраж, блять, находится внутри него, и чтобы уничтожить Темного Лорда, ему необходимо уничтожить и себя. а не сдох он не благодаря материнской любви, – но благодаря осколку Темного Лорда, который отлетел в Поттера при убийстве его матери.

Нет, все было не так. Я захожу слишком далеко. Все, чего я боюсь – это быть не к добру со своими неизбежными исследованиями. Это говорит Л., gross lesbian плоти и крови, не здешняя, она *здесь*. интеллектуально прослужиться патриархату, пускай самоучка, работаю руками, но., дальше будет другое, ведь правда? я уеду в грецию, мы уедем в грецию, О. заведет собаку, у меня будет кабинет, где я буду – ЧТО

? нет, я не хочу ПИСАТЬ

никто не знает что я молода
что мне девятнадцать лет
и кожа моя нежна и была когда-то нежна
что черным телом накрыло мою бархатистую кожу
что бледной корой обтянулось лицо
как и лица всех этих женщин
в сердце капиталистического отчуждения
от стянутых улыбок и благоденствий
как писать об этом безликом опыте
как брать на себя ответственность говорить
про любовь в отчужденном труде
встречаясь в некоторой чужой экзистенции
не встречаясь в другой экзистенции
болящим рукам откуда бы силу взять

в этом аду даже тревога признания кажется домом
и возвращением
но мы не должны поддаваться страху
боли и страху
только ночью в постели кожа моя сияет
моей возлюбленной и только она
знает что я молода

LD отказывается от концепции плохой литературы, литературы, не несущей ценности: он призывает продолжить этот дневник всех ужасных поэтесс, отвратительных писательниц, никудышных исследовательниц, бесполезных песенниц etc и рассказать про свою двоякую боль, Логос и Фаллос.,

и обзлиться, и писать пиздатом, писать ужасно, писать кроваво, писать назло.

[Я считаю, что современное лесбийское письмо может выглядеть только так. лесбиянка – это женщина, помноженная на два,]

я просто пишу про свои чувства, да, они таковы, они не лиричны, о, они опять упрекают меня... Шизофренический голос реальности невротички, baby dyke (,) уйди. Я опять чувствую, что я раскачиваюсь, опять ощущаю, будто буквы колонизируют меня, связь с реальностью через О., означающуюся через ткань невроза, по ту сторону букв, становится тоньше, чем больше О. превращается в набор букв, интересующихся моими делами и вталкивающих: любимая, я соскучилась. Смысловый контекст инаков. Нет.

baby dyke и gross lesbian были сконструированы как энтристские мероприятия внутри языка, субверсивные по своей сути, чтобы произвести взрыв подлой системы. Представляясь его адептками как частями его всеобъемлющего существа, появляющегося в лесбийских постелях, несамостоятельными единицами, где языку даже нет необходимости колонизировать, они работают как речевые фигуры, между тем как прообразы этих фигур работают на заводах, в академиях, с детьми, в книжных лавках, в барах, состоят из плоти, крови, ненависти и любви. *Победа будет свободной.* О. пишет, что подъезжает к Москве. Попрошу купить сигарет, а то распаренной, после ванны, в нынешние холода лучше не соваться. Надо бы чай поставить.

---

* Я написала этот текст, когда мне было 19 лет, и я наблюдала и реализовывала патриархатно-капиталистическую коммуникацию в сети кофеен, а у моей девушки началась глубокая депрессия, связанная с сексуальным насилием.

В тот период передо мной возникло несколько вопросов: какую роль в создании феминистской утопии (которой необходимо должна предшествовать антиутопия) играют языковые единицы, возможно ли создать новую утопию, обозначить недискретную, имплицитную эрогенность через язык, а если нет – то как можно патриархатный язык раззять (и может ли язык быть непатриархатным – старые вопросы, выраженные в теории, но редко – в практике) – для чего нужно понять, где у него (этого языка) смычки. В том числе меня интересовало (и продолжает интересовать), как язык структурирует секс. С этими вопросами для меня были тесно связаны мотивы дискретности и процессуальности, а также ряд разных мотивов вроде того, как древнее письмо было слитым, а

вводимые пробелы дробили смыслы. Мне хотелось раззять язык, исказить его, отплатить ему, как агенту, который не подлежит уничтожению, но идти к уничтожению его грамматики, оспорить его конвенциональность, утяжелить язык художественного текста до нечитабельности и двойного раздражения мужчин – как единственный путь сопротивления инерционной патриархатной речи. Я хотела раззять текстуальный «хуй» (а если верить некоторым теориям, то это – неплохое подспорье для социальных революций) античного Единого, обнажить его дискретность и пробелы в самости, и одновременно восстать против дискретности в социологической женскости (не путать с сущностью), подумав о новом Едином, в чьей необходимости у меня не было сомнений. Так появился «Лесбийский дневник».